

УДК 343.982.35

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ДЕРМАТОГЛИФИКИ

Александр Петрович Божченко

Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург, Россия, bozhchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию современного состояния и места дерматоглифики среди других дисциплин, выявлению основных тенденций ее развития. Материалом исследования послужили публикации по дерматоглифике, остеологии, одонтологии, соматологии и дактилоскопии. Методы: хронологический, сравнительно-исторический, аспектный. Показано, что дерматоглифика является антропологической дисциплиной. В силу специфической природы своего основного объекта исследования (рельеф гребешковой кожи, формирующийся под действием наследственных, эмбриональных и постнатальных факторов внутренней и внешней среды) дерматоглифика имеет тесные связи с очень широким кругом дисциплин – антропологических (остеология, одонтология, соматология), медицинских (анатомия, гистология, эмбриология, медицинская генетика, психиатрия), криминалистической (дактилоскопия). Высокая интегративная способность дерматоглифики позволяет ей выступать уникальным «мостом знаний» между различными дисциплинами. Как один из частных методов исследования, дерматоглифика находит применение в самых разных областях науки и практики, включая судебную медицину и криминалистику, где она постепенно занимает свое уникальное и достойное место, становясь рутинным методом исследования в арсенале современного эксперта.

Ключевые слова: антропология, дактилоскопия, дерматоглифика, диагностика признаков личности, идентификация личности, кровное родство, признаки личности, свойства личности, судебная антропология

Для цитирования: Божченко А. П. Современное состояние и перспективы судебно-медицинской дерматоглифики // Судебная экспертиза. 2026. № 2 (86). С. 8–24.

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF FORENSIC DERMATOGlyphICS

Alexandr Petrovich Bozhchenko

Military Medical Academy, Saint Petersburg, Russia, bozhchenko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the current state and place of dermatoglyphics among other disciplines, identifying the main trends in its development. The research material was publications on dermatoglyphics, osteology, odontology, somatology and fingerprinting. Methods: chronological, comparative-historical, aspect-based. It is shown that dermatoglyphics is an anthropological

© Божченко А. П., 2026

discipline. Due to the specific nature of its main research object (the relief of the scallop skin, formed under the influence of hereditary, embryonic and postnatal factors of the internal and external environment), dermatoglyphics has close links with a very wide range of disciplines – anthropological (osteology, odontology, somatology), medical (anatomy, histology, embryology, medical genetics, psychiatry), forensic (fingerprinting). The high integrative ability of dermatoglyphics allows it to act as a unique "bridge of knowledge" between different disciplines. As one of the private research methods, dermatoglyphics finds application in a wide variety of fields of science and practice, including forensic medicine and criminology, where it gradually takes its unique and worthy place, becoming a routine research method in the arsenal of a modern expert.

Keywords: anthropology, fingerprinting, dermatoglyphics, diagnosis of personality traits, identification of personality, blood relationship, personality traits, personality traits, forensic anthropology

For citation: Bozhchenko A. P. Current state and prospects of forensic dermatoglyphics. Forensic Examination, 8–24, 2026. (In Russ.).

Арсенал методов исследования, применяющихся в современных судебной медицине и криминалистике, необычайно широк. Помимо общих и частных методов, существует большое количество специальных, т. е. таких, которые свойственны какому-то одному научному направлению (например, метод установления давности смерти по трупным пятнам в судебной медицине, метод дактилоскопической идентификации личности в криминалистике). Дерматоглифический метод является примером частного метода исследования, свойственного антропологии (дерматоглифика – одна из антропологических дисциплин, наряду с остеологией, одонтологией и соматологией), но активно используемого в других областях знаний, в частности в медицине (медицинская генетика, спортивная медицина, клиническая дерматоглифика, судебно-медицинская дерматоглифика) и криминалистике (криминалистическая дерматоглифика).

Анализ современных публикаций по дерматоглифике в целом и по судебно-медицинской дерматоглифике в частности показывает, что подавляющее большинство из них посвящены решению отдельных (как правило, узкоориентированных, частных) научно-исследовательских задач [1–5]. Работы обобщающего характера, в которых бы систематизировались достижения дерматоглифики и определялись пути ее дальнейшего развития, встречаются сравнительно редко [6–8].

Цель и задачи исследования – восполнить существующий на данный момент дефицит работ резюмирующего характера по судебно-медицинской дерматоглифике, изучить ее современное состояние и место среди других антропологических и криминалистических дисциплин, определить основные тенденции развития.

В основу исследования легли материалы, размещенные на электронных информационных ресурсах (eLIBRARY, MEDLINE, SCOPUS): публикации отечественных ученых по дерматоглифике, остеологии, стоматологии, соматологии и дактилоскопии. Для оценки публикационной активности осуществляли поиск и подсчет количества публикаций (расчет наукометрического показателя, НМП) по заданным в поисковом окне словам в названиях, аннотациях и ключевых

словах всех типов работ (статей в журналах, материалов конференций, депонированных рукописей, диссертаций, отчетов, патентов). Используются хронологический, сравнительно-исторический и сравнительно-информационный методы исследования, а также аспектный анализ.

Актуализация дерматоглифики как перспективного метода исследования в арсенале российских судебно-медицинских экспертов произошла в конце XX в. благодаря трудам профессора судебной медицины Виктора Николаевича Звягина. Он первым применил дерматоглифический метод для экспертной идентификации человека по неопознанному трупу (1986). Под его руководством И. Б. Тарасовым была подготовлена и успешно защищена первая в современной России диссертация по специальности «Судебная медицина» на тему «Судебно-медицинские критерии внутрисемейного сходства по признакам дерматоглифики стопы» (1992), всецело основанная на дерматоглифическом методе исследования [9].

Однако это не было первым знакомством отечественных судебных медиков с дерматоглификой. Еще в начале XX в. А. А. Сальков, П. С. Семеновский, Н. Л. Поляков, В. А. Надеждин и несколько позже М. В. Волоцкой обратили внимание на возможность решения ряда экспертных вопросов на основе изучения папиллярных узоров. В силу глобальных исторических процессов, происходивших в стране, актуализированные в то время исследовательские задачи носили выраженную практическую направленность: идентификация преступников и пропавших без вести в годы после Первой мировой и гражданской войн с помощью дактилоскопических учетов; установление кровного родства между потерявшими друг друга родителями и детьми на основе закономерностей наследования папиллярных узоров [10–14] (группы крови были только открыты и широко еще не применялись в экспертизе родства).

В середине и второй половине XX в. дерматоглифика в большей мере использовалась в медицине для изучения врожденных заболеваний и в антропологии в качестве удобного инструмента исследования конституции человека, а также (пожалуй, даже в наибольшей степени) закономерностей расо- и этногенеза. Такие ученые, как Т. Д. Гладкова, Г. Л. Хить, Б. А. Никитюк, В. А. Мглинец, С. С. Усоев, И. С. Гусева и Л. И. Тегакко определили лицо дерматоглифики этого периода [15–21]. Параллельно проводились немаловажные для дальнейшего развития дерматоглифики исследования гребешковой кожи и папиллярных узоров в области анатомии и гистологии А. Н. Чистикиным, Р. М. Хайруллинским и рядом других ученых [22; 23].

На рубеже XX и XXI вв. вектор развития дерматоглифики вновь был обращен к экспертизе. Произошел в буквальном смысле «взрыв» интереса к этой научной дисциплине, причем не только со стороны судебных медиков, но и криминалистов. Впервые за долгие годы исследований в судебной медицине и криминалистике появились монографические труды по дерматоглифике В. В. Яровенко, А. Н. Чистикина «Дерматоглифика в криминалистике и судебной медицине», С. С. Самищенко «Атлас необычных папиллярных узоров», А. П. Божченко, В. А. Ракитина, А. И. Самарина, В. В. Щербакова «Методы дерматоглифики в идентификации личности погибших» [24–26]. Была защищена первая докторская диссертация по дерматоглифике (по специальности «Уголовный процесс,

криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности») В. В. Яровенко на тему «Проблемы применения дерматоглифических исследований в криминалистике» [27]. Количество публикаций, размещенных в eLIBRARY с 1990 по 2000 г., выросло почти в 4 раза (за 1990 г. – всего 3 публикации, за 1995 г. – 7, за 2000 г. – 15).

Рост интереса к дерматоглифике был особенно интенсивным в начале XXI в. Именно тогда, помимо многочисленных до этого кандидатских диссертаций, впервые были выполнены и успешно защищены посвященные исключительно дерматоглифике докторские диссертации по специальности «Судебная медицина»: А. П. Божченко «Судебно-медицинская оценка дерматоглифических признаков пальцев рук в идентификации личности», Е. С. Мазур «Дерматоглифика в прогнозировании конституциональных, физических и внешне-опознавательных признаков человека», О. М. Фандеевой «Структурная организация папиллярных узоров пальцев и их особенности в семейных группах» [8; 28; 29]. В этот же период вышли монографические труды А. П. Божченко, В. Л. Попова, Г. И. Заславского «Дерматоглифика при идентификации личности», В. В. Яровенко «Криминалистическая дерматоглифика», В. Н. Звягина, В. А. Ракитина «Дерматоглифика. Энциклопедический словарь», К. Н. Бадикова «Психодерматоглифический метод комплексного исследования следов рук: понятия, методика, перспективы развития» [30–33].

Примечательно, что интерес к дерматоглифике в рассматриваемый промежуток времени превышал интерес к другим антропологическим дисциплинам (остеологии, одонтологии, соматологии), что можно объяснить относительной новизной объекта исследования, каким являлась для того времени дерматоглифика. Так, если НМП по ключевому слову «дерматоглифика» за 2005 г. составляет 17 (при сегодняшнем уровне заполнения электронных информационных ресурсов публикациями прошлых лет), за 2010 г. – 29, а за 2015 г. – 67 (стремительный рост почти в 4 раза), то по ключевому слову «остеология» значительно меньше – 28, 23 и 33 соответственно (небольшие колебания примерно на одном уровне при меньших значениях в целом).

В последние годы этот интерес охладевает. НМП по ключевому слову «дерматоглифика» за 2020 г. составляет 68, за 2025 г. – 29 (в силу отсроченного заполнения электронных информационных ресурсов НМП за 2025 г. ожидаемо увеличится к концу первого квартала 2026 г., но не изменится кардинально). Однако то же самое происходит, хотя не так заметно, и относительно других антропологических дисциплин (например, НМП по ключевому слову «остеология» за 2020 г. составляет 43, за 2025 г. – 37). Здесь, на наш взгляд, налицо конкурирующее влияние нового молекулярно-генетического метода исследования (в Европе и США точно так же негативно проявившегося по отношению к дерматоглифике и другим антропологическим дисциплинам еще в 90-е гг. XX в. (рис. 1)) – в установлении половой принадлежности, кровного родства и в других вопросах. Примечательно, что аналогичный процесс имел место в 1930-е гг., когда после открытия групп крови стала стремительно развиваться серология. Опасаться таких колебаний, на наш взгляд, не следует – они естественны. Тем более практика убеждает, что нет ни одного метода, который мог бы стать безальтернативным (ДНК, например, при высоком температурном воздействии разрушается

даже без прямого воздействия пламени на биологические ткани, что ограничивает возможности молекулярно-генетического метода исследования для целей диагностики пола и идентификации личности по частям и фрагментам трупа неизвестного человека).

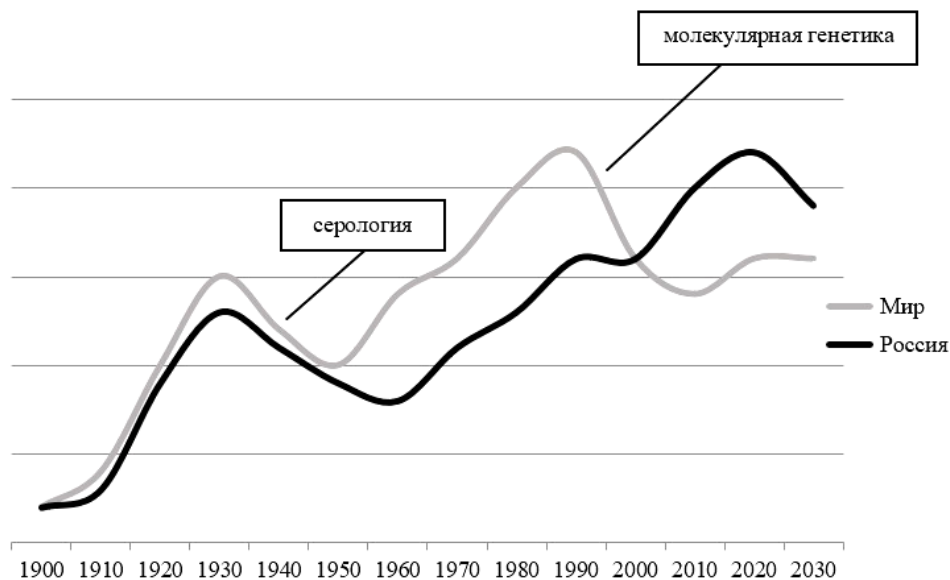

Рис. 1. Динамика научно-практического интереса к дерматоглифике на фоне развития серологии и молекулярной генетики в мире и России в период с 1900 г. по настоящее время и с перспективой до 2030 г.

На протяжении всей истории своего существования дерматоглифика была тесно связана с дактилоскопией. Особенно это характерно для начального периода ее развития. В 1920-е гг., например, многие исследователи изучали, намереваясь осознать перспективы, сразу все свойства папиллярных узоров – и диагностически, и идентификационно значимые (наследование от родителей детям, связь с расой и полом, уникальность, неизменяемость и пр.), нередко в одном лице совмещался эксперт-криминалист и судебно-медицинский эксперт. Примечательно, что экспертизы по установлению отцовства на основе закономерностей наследования папиллярных узоров в тот период назывались генно-дактилоскопическими.

После произошедшего разделения дисциплин (примерно к 1930–1940-м гг., когда каждая определила свой предмет и границы), в 1980–1990-е гг. начался процесс их обратного сближения, причем вначале со стороны криминалистов, в большей мере испытывавших запрос практики, необходимость развития дактилоскопии и дефицит необходимых для этого новых знаний. Инициаторами такого процесса были такие известные ученые-криминалисты, как В. В. Яровенко, Л. Г. Эджубов и С. С. Самищенко [25; 26; 34]. В настоящее время дерматоглифика и дактилоскопия тесно интегрированы, появились смешанные понятия: «медико-криминалистическая дерматоглифика», «криминалистическая дерматоглифика», «медицинская дактилоскопия» и др. Однако они остаются самостоя-

тельными – каждая со своим предметом, объектами и методологией исследования, нередко очень близкими и пересекающимися, но все же отличными в своей совокупности.

Так, для судебно-медицинской дерматоглифики, как и для дактилоскопии, объектами исследования являются живые лица, трупы и их части, а также следы человека. При этом наиболее частыми объектами для дактилоскопии являются следы человека на месте происшествия, а для дерматоглифики – трупы и части трупа неизвестного человека. В дерматоглифике чаще исследуются отпечатки (рук, ног), а в дактилоскопии – следы (причем преимущественно следы рук).

Важно заметить, что подошвенная поверхность стоп имеет папиллярный рельеф, обладающий теми же свойствами, что и ладонная поверхность кистей: индивидуальность, неизменяемость, наследуемость папиллярных узоров, связь с общими признаками личности и врожденными заболеваниями (рис. 2). У погибших в условиях современных боевых действий, террористических актов или техногенных катастроф отпечатки стоп удается получить чаще, чем отпечатки кистей, поэтому у военнослужащих и иных лиц, прежде всего входящих в группу с профессиональным риском для жизни, целесообразно дополнительно получать отпечатки стоп (как минимум отпечаток большого пальца). По нашим оценкам, это увеличит количество идентификаций на основе дактилоскопического метода не менее чем на 10–15 %.

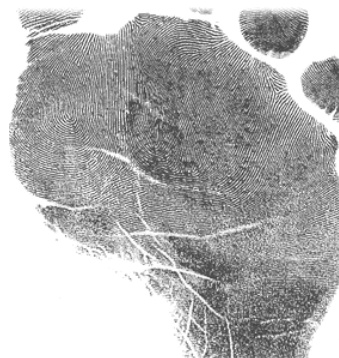

Рис. 2. Фрагмент тела (дистальный отдел правой голени со стопой) после воздействия повреждающих факторов взрыва и пригодный для идентификации отпечаток подошвенной поверхности стопы

Для восстановления кожи и получения отпечатков в рамках судебно-медицинской дерматоглифики, как и дактилоскопии, используются черная типографская краска, реже – химические реагенты и бескрасковые технологии (по типу «живого сканера»). В дактилоскопии, помимо этого, применяются дактилоскопические порошки и специальные цифровые технологии обработки (усиления) изображений. Технологии «живого сканера» в дактилоскопии быстро совершенствуются и позволяют не только получать отпечатки, но и обмениваться дактилоскопическими данными в режиме реального времени (с помощью мобильного

биометрического терминала). Эта уникальная возможность с недавнего времени используется для идентификации тел военнослужащих, погибших в условиях современного вооруженного конфликта. В результате осуществляется идентификация тел на месте, что сокращает объем следственных действий и экспертных исследований (опознание, взятие биологических образцов для молекулярно-генетического исследования, остеометрия и пр.) и в конечном счете ускоряет весь процесс исследования тел погибших.

Работая с трупным материалом, нередко приходится предварительно (до получения отпечатков) размягчать кожу и устранять на ней складки, образующиеся вследствие ее высыхания, мумификации или дубления. Традиционные приемы требуют часов, а то и суток предварительной подготовки. Цифровая обработка фотографии пальца за счет осветления, контрастирования и других способов позволяет достичь практически такого же результата за минуты [35]. Цифровой отпечаток, как и обычный, полученный с помощью черной типографской краски, будет при этом инвертированным, зеркальным и вполне пригодным для идентификации (рис. 3). В этом заключается еще один способ ускорения процесса идентификации, особенно актуальный для чрезвычайных ситуаций с многочисленными человеческими жертвами и потоковым поступлением одновременно большого количества погибших.

Рис. 3. Исходный фотоснимок ладонной поверхности дистальной фаланги пальца (слева) и цифровой отпечаток (справа), полученный по методике цифровой обработки изображения [35]

Наиболее часто в рамках дерматоглифики и дактилоскопии изучаются типы папиллярных узоров (НМП по ключевым словам «дерматоглифика» и «тип узора» равен 64, «дактилоскопия» и «тип узора» – 15). Реже – гребневой счет (НМП равен соответственно 46 и 1), дельтовый индекс (18 и 2). Еще реже – дельта (6 и 4), белые линии (6 и 2), рудименты папиллярных гребней (6 и 0), высота узора (4 и 1), рубцы (2 и 2). Обращает на себя внимание дефицит современных исследований, основанных на изучении более мелких признаков (краевых или эджеоскопических особенностей папиллярных линий, а также признаков пор – всего 8 публикаций, все в привязке с дактилоскопией), дающих

возможность изучать признаковое пространство наиболее детально и пристально, выявлять скрытые закономерности – очевидно, что без них дальнейшее развитие дактилоскопии (как, впрочем, и дерматоглифики) невозможно. В то же время специфическим для дерматоглифики является такой интегральный признак, как общий фенотип (НМП по ключевым словам «дерматоглифика» и «фенотип» равен 32, «дактилоскопия» и «фенотип» – всего 1). Это не случайно, поскольку именно общий фенотип позволяет лучше всего выявлять закономерности наследования папиллярных узоров, их связи с общими признаками личности, т. е. решать задачи, являющиеся предметом судебно-медицинской дерматоглифики.

В рамках дерматоглифики и дактилоскопии поисковые исследования строятся, как правило, на создании первоначально информационной базы данных и ее дальнейшего изучения методами описательной статистики. Иногда для этого используются специализированные компьютерные программы. Анализ публикаций показывает, что в современных дерматоглифических исследованиях методы статистики используются чаще, чем в дактилоскопии, особенно такие специальные приемы, как комбинаторный анализ и байесовский подход. Между тем в дактилоскопии известным примером комбинаторики является дактилоскопическая формула, а примером комбинаторного анализа – анализ частоты встречаемости различных вариантов дактилоскопической формулы в группах сравнения. НМП с ключевыми словами «дактилоскопическая формула» равен 17, однако почти половину этого показателя (8 из 17) составляют работы не по поиску новых закономерностей или выведению новых видов (вариантов) дактилоскопической формулы, как это можно было бы ожидать, а по вопросам появления таких формул в прошлом и их значения в историческом развитии методов регистрации преступников. Во многом это закономерно и объясняется изменением способа регистрации и учета дактилоскопических карт и следокарт, произошедшим за последние годы – переходом от ручного способа к автоматизированному [36], когда необходимость в осознанном восприятии дактилоскопической формулы для целей идентификации личности отходит на второй план. Негативным последствием этого процесса является тот факт, что, оперируя многомиллионными базами данных, криминалисты часто упускают имеющиеся у них исследовательские возможности по поиску иных закономерностей, выходящих за рамки прямой идентификации (например, касающихся связи дактилоскопических формул с общими признаками личности и возможности решения на этой основе диагностических задач).

Анализ современных публикаций показывает, что в дактилоскопии преобладают исследовательские задачи, направленные на прямую идентификацию личности. НМП с ключевым словом «идентификация» (в сочетании со словом «дактилоскопия») равен 116, а с ключевым словом «диагностика» (в разных его синонимических вариантах) – всего 45. В дерматоглифике эти же показатели имеют обратное соотношение и равны соответственно 60 и 114. Для судебно-медицинской дерматоглифики преобладающими являются задачи диагностики свойств личности (81), установления кровного родства (24), определения анатомической части тела (6), установления единого источника происхождения (3).

Дерматоглифические исследования, направленные на решение собственно диагностических задач, посвящены в наибольшей степени диагностике врожденных заболеваний (НМП равен 51) и определению возраста (48). В несколько меньшей степени – определению пола (38), длины тела (21), расы (20) и типа телосложения (13). В наименьшей степени – установлению типа высшей нервной деятельности (9). Примечательно, что и в дактилоскопических исследованиях делаются попытки решения этих по большей части медицинских или медико-биологических задач: диагностика врожденных заболеваний (НМП равен 8), определение возраста (19), пола (10), длины тела (8), расы (3), типа телосложения (1), типа высшей нервной деятельности (2).

Примечательно, что большое количество работ посвящено установлению возраста, и это при том, что одним из постулатов дактилоскопии является неизменяемость узоров в течение жизни. Во-первых, очевидно, этот признак важен для криминалистов и судебных медиков. Во-вторых, имеются и изменяющиеся признаки рельефа гребешковой кожи, которые требуют пристального изучения (линейные размеры, угловые, признаки-отношения, белые линии (рис. 4)).

Рис. 4. Возрастные изменения на примере отпечатков одного и того же пальца, полученных в 1859 г. (справа) и в 1888 г. (слева) одним из основателей дактилоскопии Вильямом Гершелем (стрелками показаны появившиеся белые линии, в круге – рубец)¹

¹ First Fingerprints taken 1859/60 by William James Herschel (1833–1917). URL: http://www.thamespilot.org.uk/asset_arena/image/2000/sl/sl-sl-1526_herschelfprint-i-01-000.jpg (дата обращения: 29.01.2026).

Еще одним значимым направлением исследований – и в дерматоглифике, и в дактилоскопии – является изучение особенностей личности в контексте предрасположенности к совершению преступлений определенной направленности. Пока его удельный вес невелик, но в последние годы он нарастает. Это исследования особенностей папиллярных узоров серийных убийц (в дерматоглифических исследованиях НМП равен 10, в дактилоскопических – 4), убийц (соответственно 7 и 12), самоубийц (8 и 1), совершивших изнасилование (2 и 3), наркозависимых (2 и 0), а также с признаками девиантного поведения (9 и 3) и делинквентности (3 и 5). Примечательно расхождение приоритетов в этом вопросе у криминалистов и судебных медиков, особенно заметное на примере самоубийц и убийц – для криминалистов самоубийцы имеют существенно меньшее значение в сравнении с убийцами, которых предстоит найти и изобличить; для судебных медиков представляет наибольший интерес контингент лиц с наследственной предрасположенностью к тому или иному типу реакций на стресс и дезадаптацию.

Результатом исследований в области дерматоглифики чаще всего становится разработанная частная методика (НМП равен 63, для сравнения: в дактилоскопии НМП имеет такое же большое значение – 54). Значительно реже в дерматоглифике создаются новые классификации (9) или разрабатывается общая методология исследования (7) – такие задачи более общего плана характерны для работ в области дактилоскопии (НМП равен соответственно 17 и 18). Для дактилоскопических исследований характерны и такие итоги, как проект ведомственного приказа или поправка к закону, что во многом является следствием базового (юридического) образования криминалистов (НМП равен 13, для сравнения: в дерматоглифике НМП по публикациям с такой направленностью равен всего лишь 2). Полученные данные высвечивают существенную недоработку судебных медиков: трудов установочного характера в области судебно-медицинской дерматоглифики явно не хватает, следовательно, так легко делать в ее адрес не вполне обоснованные выпады (которые, признаем, случаются).

Практическая реализация достижений в области дактилоскопии и судебно-медицинской дерматоглифики происходит, прежде всего, в формате экспертного исследования. Дерматоглифические исследования в наибольшей мере аффилированы с судебной (НМП равен 13), судебно-медицинской (12), судебно-психиатрической (9) и дактилоскопической экспертизами (7). Для дактилоскопических исследований соответствующие показатели равны 52, 4, 1 и 92 (закономерный сдвиг в сторону специфического для себя вида экспертизы).

Дерматоглифика и дактилоскопия наиболее тесно связаны друг с другом (взаимный НМП равен 62 и является наибольшим), что идет на благо обоим. Наряду с этим они связаны и с другими науками и научными дисциплинами: медициной (НМП равны соответственно 59 и 17), криминалистикой (44 и 99), антропологией в целом (40 и 10), генетикой (29 и 16), психологией (12 и 6), психиатрией (9 и 1), анатомией (3 и 2). Специфическими для дерматоглифики являются связи с одонтологией (13 и 0), краниологией (4 и 0), гистологией и эмбриологией (2 и 0).

Отражением этих многогранных связей, которые к тому же увеличиваются с каждым годом, стало изменение характера публикаций по дерматоглифике,

особенно трудов монографического характера. Если раньше в центре их внимания была собственно дерматоглифика (или дерматоглифический метод исследования) как объект, на который направлено исследование, то в публикациях последнего времени в центре внимания оказывается основная исследовательская проблема (социальная, научная, экспертная), которая решается разными методами, в том числе с помощью дерматоглифики, что без труда можно проследить по их названиям: ранее – «Дерматоглифика в криминалистике и судебной медицине» (В. В. Яровенко, А. Н. Чистикин), «Методы дерматоглифики в идентификации личности погибших» (А. П. Божченко, В. А. Ракитин, А. И. Самарин, В. В. Щербakov) [24; 26]; в настоящее время – «Собирание и использование данных о признаках внешности человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий» (О. А. Соколова), «Посткриминальный суицид убийц: криминалистическое обеспечение расследования» (Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев), «„Воры в законе“ глазами следователя и эксперта» (А. П. Божченко, Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев) [37–39]. Такой сдвиг является свидетельством того, что дерматоглифика в ее связи с антропологическими дисциплинами с одной стороны и с дактилоскопией с другой постепенно становится рутинным методом исследования.

Дерматоглифика является антропологической дисциплиной. В нашей стране ее становление и развитие на историческом отрезке с конца XIX и до начала XXI в. происходило в несколько этапов и носило волнообразный характер: рост первичного интереса до 1920–1930-х гг., снижение интереса в 1930–1950-е гг., возобновление интереса примерно с 1960-х гг. с еще одной повторной волной роста интереса на рубеже XX–XXI вв., начало некоторого охлаждения интереса в настоящее время.

Связь с медициной (судебной медициной) и криминалистикой (дактилоскопией) наиболее тесной была в самом начале становления дерматоглифики, когда шел первичный поиск возможностей ее практического применения, к тому же происходивший на фоне существовавшей тогда близости судебной медицины и дактилоскопии. Вторая волна интереса к дерматоглифике – сначала со стороны криминалистов (с 1980-х гг.), а затем и судебных медиков (с 1990-х гг.) – началась на фоне возникшего к этому времени дефицита новых (прорывных) методик и технологий в дактилоскопии и судебной медицине (прежде всего, в вопросах идентификации личности) и осознания необходимости интеграции знаний из разных областей науки и практики.

Дерматоглифика в силу специфической природы своего основного объекта исследования (рельеф гребешковой кожи, формирующийся под действием наследственных, эмбриональных и постнатальных факторов внутренней и внешней среды) имеет тесные связи с очень широким кругом дисциплин – антропологических (остеология, одонтология, соматология), медицинских (анатомия, гистология, эмбриология, медицинская генетика, психиатрия и др.), криминалистической (дактилоскопия). Высокая интегративная способность и пластичность дерматоглифики позволяют ей выступать уникальным «мостом знаний» между различными дисциплинами.

Как один из частных методов исследования, дерматоглифика находит применение в самых разных областях науки и практики, включая медицину (судеб-

ную медицину) и криминалистику (дактилоскопию), где она постепенно занимает свое уникальное и достойное место в системе экспертных методов исследования как один из многих инструментов в арсенале эксперта. Тесная связь дерматоглифики с дактилоскопией с одной стороны и медицинскими и антропологическими дисциплинами с другой позволяет считать ее неординарным интегративным (медико-криминалистическим) методом исследования.

В судебной медицине на основе дерматоглифики в последние годы сформировалось отдельное научно-практическое направление – судебно-медицинская дерматоглифика. Судебно-медицинская дерматоглифика является самостоятельным разделом судебной антропологии, в котором изучаются закономерности формирования и трансформации кожных рисунков, методы их исследования и принципы оценки значимых для следствия медико-биологических фактов, определяемых на их основе.

Список источников

1. Божченко А. П., Исаков В. Д. Возможности диагностики половой принадлежности человека на основе анализа дерматоглифических признаков пальцев рук // Проблемы экспертизы в медицине. 2004. Т. 4, № 2 (14). С. 19–22.
2. Божченко А. П., Ригонен В. И. Особенности дерматоглифической конституции русских Республики Карелия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 6 (151). С. 56–59.
3. Ефремов И. С., Зороастров О. М., Чистикин А. Н. Дерматоглифические особенности кожных узоров лиц, осужденных за изнасилование // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. № 5. С. 15–17.
4. Чулахов В. Н. Скелетная схема папиллярного узора и возможности ее использования в дактилоскопических и дерматоглифических исследованиях // Судебная экспертиза. 2018. № 2 (54). С. 38–47.
5. Яровенко В. В., Китаев Н. Н., Ардашев Р. Г. Дактилоскопическое и дерматоглифическое исследование папиллярных узоров серийных убийц. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020. 229 с.
6. Организационные и научные вопросы медико-криминалистической идентификации личности неопознанного трупа с помощью дерматоглифики пальцев рук и ног / В. И. Акопов, А. П. Божченко, В. А. Ракитин [и др.] // Проблемы экспертизы в медицине. 2001. Т. 1, № 2. С. 8–12.
7. Бадиков К. Н. Становление и перспективы развития дерматоглифики в криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 21 с.
8. Божченко А. П. Судебно-медицинская оценка дерматоглифических признаков пальцев рук в идентификации личности: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Санкт-Петербург, 2009. 44 с.
9. Тарасов И. Б. Судебно-медицинские критерии внутрисемейного сходства по признакам дерматоглифики стопы: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Москва, 1992. 21 с.
10. Волоцкой М. В. К вопросу о генетике папиллярных узоров пальцев (исследование 234 пар близнецов) // Труды Медико-генетического научно-исследовательского института им. М. Горького. Т. IV / под ред. С. Г. Левита. Москва; Ленинград: Гос. изд-во биол. и мед. лит. С. 404–439.

11. Надеждин В. А. О некоторых выводах в связи с экспертизами научного определения отцовства // Архив криминологии и судебной медицины. Харьков, 1926–1927. Т. 1. С. 1147–1162.
12. Поляков Н. Л. Значение антропологических признаков при определении сходства или несходства у кровных родственников («экспертиза отцовства») // Труды II Всерос. съезда судебно-медицинских экспертов / под ред. Я. А. Лейбовича. Ульяновск: Ульяновский комбинат ППЦ, 1926. С. 82–99.
13. Сальков А. А. Значение дактилоскопии при установлении родственного сходства // Труды II Всерос. съезда судебно-медицинских экспертов / под ред. Я. А. Лейбовича. Ульяновск: Ульяновский комбинат ППЦ, 1926. С. 103–106.
14. Семеновский П. С. К вопросу о наследственности тактильных узоров // Труды II Всерос. съезда судебно-медицинских экспертов / под ред. Я. А. Лейбовича. Ульяновск: Ульяновский комбинат ППЦ, 1926. С. 99–103.
15. Гладкова Т. Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. Москва: Наука, 1966. 151 с.
16. Гусева И. С. Морфогенез и генетика гребешковой кожи человека. Минск: Беларусь, 1986. 160 с.
17. Мглинец В. А. Нарушения формирования сгибаемых складок пальцев при некоторых врожденных аномалиях у человека // Генетика. 1992. № 28. С. 154–164.
18. Никитюк Б. А. Факторы роста и морфофункционального созревания организма (анализ наследственных и средовых влияний на постнатальный онтогенез). Москва: Наука, 1978. 143 с.
19. Тегако Л. И. Дерматоглифика населения Белоруссии: популяционные аспекты изменчивости. Минск: Наука и техника, 1989. 181 с.
20. Усоев С. С. Дерматоглифика в клинике (морфогенетические аспекты, использование в диагностике хромосомных болезней и медико-генетическом прогнозировании): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 1980. 32 с.
21. Хить Г. Л. Дерматоглифика народов СССР. Москва: Наука, 1983. 280 с.
22. Хайруллин Р. М. Анатомо-морфометрические закономерности изменчивости формы пальцев кисти человека и ее взаимосвязи с дерматоглифическим узором: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 2003. 42 с.
23. Чистикин А. Н. Изменчивость структур кожного рельефа и реактивность организма: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 1997. 31 с.
24. Методы дерматоглифики в идентификации личности погибших / А. П. Божченко, В. А. Ракитин, А. И. Самарин, В. В. Щербаков. Ростов на Дону: РостИздаТ, 2002. 159 с.
25. Самищенко С. С. Атлас необычных папиллярных узоров. Москва: Юриспруденция, 2001. 320 с.
26. Яровенко В. В., Чистикин А. Н. Дерматоглифика в криминалистике и судебной медицине. Тюмень: ТВШ МВД РФ, 1995. 280 с.
27. Яровенко В. В. Проблемы применения дерматоглифических исследований в криминалистике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 1996. 40 с.
28. Мазур Е. С. Дерматоглифика в прогнозировании конституциональных, физических и внешне-опознавательных признаков человека: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Москва, 2009. 57 с.

29. Фандеева О. М. Структурная организация папиллярных узоров пальцев и их особенности в семейных группах: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Санкт-Петербург, 2010. 33 с.
30. Бадиков К. Н. Психодерматоглифический метод комплексного исследования следов рук: понятия, методика, перспективы развития. Москва: Юрлитинформ, 2014. 278 с.
31. Божченко А. П., Попов В. Л., Заславский Г. И. Дерматоглифика при идентификации личности. Санкт-Петербург: Изд. центр Пресс, 2008. 194 с.
32. Звягин В. Н., Ракитин В. А. Дерматоглифика. Энциклопедический словарь. Пермь: Пресстайм, 2012. 386 с.
33. Яровенко В. В. Криминалистическая дерматоглифика. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федер. ун-та, 2011. 237 с.
34. Статистическая дактилоскопия (методологические проблемы) / под ред. Л. Г. Эджунова. Москва: Городец: Формула права, 1999. 183 с.
35. Постнов С. Б., Альжекеев С. М. Рекомендации по изготовлению отпечатков ладонных поверхностей трупов при помощи фотосъемки. URL: <https://studyport.ru/media/kunena/attachments/62/v2.pdf> (дата обращения: 29.01.2026).
36. Лебеденко Ю. И. Биометрические системы безопасности. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012. 160 с.
37. Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. Посткриминальный суицид убийц: криминалистическое обеспечение расследования. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2020. 213 с.
38. Божченко А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. «Воры в законе» глазами следователя и эксперта. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2025. 143 с.
39. Соколова О. А. Собираение и использование данных о признаках внешности человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Москва: Щит-М, 2011. 203 с.

References

1. Bozhchenko A. P., Isakov V. D. The possibilities of diagnosing human sexuality based on the analysis of dermatoglyphic signs of fingers. Problems of expertise in medicine, 19–22, 2004. (In Russ.).
2. Bozhchenko A. P., Rigonen V. I. Features of the dermatoglyphic constitution of Russians of the Republic of Karelia. Scientific Notes of Petrozavodsk State University, 56–59, 2015. (In Russ.).
3. Efremov I. S., Zoroaster O. M., Chistikin A. N. Dermatoglyphic features of skin patterns of persons convicted of rape. Forensic medical examination, 15–17, 2014. (In Russ.).
4. Chulakhov V. N. Skeletal scheme of papillary pattern and the possibility of its use in fingerprint and dermatoglyphic studies. Forensic examination, 38–47, 2018. (In Russ.).
5. Yarovenko V. V., Kitaev N. N., Ardashev R. G. Fingerprint and dermatoglyphic examination of papillary patterns of serial killers. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2020: 229. (In Russ.).
6. Akopov V. I., Bozhchenko A. P., Rakitin V. A. (et al.) Organizational and scientific issues of medical and criminalistic identification of an unidentified corpse using

finger and toe dermatoglyphics. Problems of expertise in medicine, 8–12, 2001. (In Russ.).

7. Badikov K. N. Formation and prospects of development of dermatoglyphics in criminology. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Vladivostok; 2002: 21. (In Russ.).

8. Bozhchenko A. P. Forensic medical assessment of dermatoglyphic signs of fingers in identity identification. Abstract of dissertation of doctor of medical sciences. Saint Petersburg; 2009: 44. (In Russ.).

9. Tarasov I. B. Forensic medical criteria of intrafamilial similarity according to the signs of dermatoglyphics of the foot. Abstract of dissertation of candidate of medical sciences. Moscow; 1992: 21. (In Russ.).

10. Volotskoy M. V. On the issue of genetics of papillary finger patterns (a study of 234 pairs of twins). In: Works of the Medical-Genetic Research Institute named after M. Gorky. Vol. 4. Red. by S. G. Levit. Moscow; Leningrad: State Publishing House for Biological and Medical Literature; 1936: 404–439. (In Russ.).

11. Nadezhdin V. A. On some conclusions in connection with the examinations of the scientific definition of paternity. In: Archive of Criminology and Forensic Medicine. Vol. 1. Kharkov; 1926–1927: 1147–1162. (In Russ.).

12. Polyakov H. L. The importance of anthropological features in determining similarity or dissimilarity in blood relatives ("examination of paternity"). In: Proceedings of the 2nd All-Russian Congress of Forensic Medical Experts. Red. by Ya. A. Leybovich. Ulyanovsk: Ulyanovsk Printing and Writing Paper Factory; 1926: 82–99. (In Russ.).

13. Salkov A. A. The importance of fingerprinting in establishing family resemblance. In: Proceedings of the 2nd All-Russian Congress of Forensic Medical Experts. Red. by Ya. A. Leybovich. Ulyanovsk: Ulyanovsk Printing and Writing Paper Factory; 1926: 103–106. (In Russ.).

14. Semenovskiy P. S. On the question of the heredity of tactile patterns. In: Proceedings of the 2nd All-Russian Congress of Forensic Medical Experts. Red. by Ya. A. Leybovich. Ulyanovsk: Ulyanovsk Printing and Writing Paper Factory; 1926: 99–103. (In Russ.).

15. Gladkova T. D. Skin patterns of the hand and foot of monkeys and humans. Moscow: Nauka; 1966: 151. (In Russ.).

16. Guseva I. S. Morphogenesis and genetics of human scallop skin. Minsk: Belarus; 1986: 160. (In Russ.).

17. Mglinets V. A. Disorders of the formation of flexion folds of fingers in certain congenital anomalies in humans. Genetics, 154–164, 1992. (In Russ.).

18. Nikityuk B. A. Factors of growth and morphofunctional maturation of the body (analysis of hereditary and environmental influences on postnatal ontogenesis). Moscow: Nauka; 1978: 143. (In Russ.).

19. Tegako L. I. Dermatoglyphics of the population of Belarus. Population aspects of variability. Minsk: Science and technology; 1989: 181. (In Russ.).

20. Usoev S. S. Dermatoglyphics in the clinic (morphogenetic aspects, use in the diagnosis of chromosomal diseases and medical and genetic forecasting). Abstract of dissertation of doctor of medical sciences. Moscow; 1980: 32. (In Russ.).

21. Khit G. L. Dermatoglyphics of the peoples of the USSR. Moscow: Nauka; 1983: 280. (In Russ.).

22. Khairullin R. M. Anatomical and morphometric patterns of variability in the shape of human fingers and its relationship with the dermatoglyphic pattern. Abstract of dissertation of doctor of medical sciences. Moscow; 2003: 42. (In Russ.).
23. Chistikin A. N. Variability of skin relief structures and reactivity of the body. Abstract of dissertation of doctor of medical sciences. Moscow; 1997: 31. (In Russ.).
24. Bozhchenko A. P., Rakitin V. A., Samarin A. I., Shcherbakov V. V. Methods of dermatoglyphics in identification of the deceased. Rostov on Don: Rostlzdad; 2002: 159. (In Russ.).
25. Samishchenko S. S. Atlas of unusual papillary patterns. Moscow: Yuridprudentsia; 2001: 320. (In Russ.).
26. Yarovenko V. V., Chistikin A. N. Dermatoglyphics in criminology and forensic medicine. Tyumen: Tyumen Higher School of the Ministry of the Interior of Russia; 1995: 280. (In Russ.).
27. Yarovenko V. V. Problems of application of dermatoglyphic studies in criminology. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Tyumen; 1996: 40. (In Russ.).
28. Mazur E. S. Dermatoglyphics in predicting constitutional, physical and externally identifying human features. Abstract of dissertation of doctor of medical sciences. Moscow; 2009: 57. (In Russ.).
29. Fandeeva O. M. Structural organization of papillary finger patterns and their features in family groups. Abstract of dissertation of doctor of medical sciences. Saint Petersburg; 2010: 33. (In Russ.).
30. Badikov K. N. Psychodermatoglyphic method of complex examination of handprints: concepts, methodology, development prospects. Moscow: Yurлитinform; 2014: 278. (In Russ.).
31. Bozhchenko A. P., Popov V. L., Zaslavsky G. I. Dermatoglyphics in identification. Saint Petersburg: Publishing Center Press; 2008: 194. (In Russ.).
32. Zvyagin V. N., Rakitin V. A. Dermatoglyphics. An encyclopedic dictionary. Perm: Presstime; 2012: 386. (In Russ.).
33. Yarovenko V. V. Criminalistic dermatoglyphics. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University; 2011: 237. (In Russ.).
34. Statistical fingerprinting (methodological problems). Red. by L. G. Edzhubov. Moscow: Gorodets; Formula prava; 1999: 183. (In Russ.).
35. Postnov S. B., Alzhekeev S. M. Recommendations for making prints of palm surfaces of corpses using photography. Available from: <https://studyport.ru/media/kunena/attachments/62/V2.pdf>. Accessed: 29 January 2026. (In Russ.).
36. Lebedenko Yu. I. Biometric security systems. Tula: TulSU Publishing House; 2012: 160. (In Russ.).
37. Ardashev R. G., Kitaev N. N. Post-criminal suicide of murderers: forensic support of the investigation. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2020: 213. (In Russ.).
38. Bozhchenko A. P., Ardashev R. G., Kitaev N. N. "Thieves in law" through the eyes of an investigator and an expert. Irkutsk: ISU Publishing House; 2025: 143. (In Russ.).

39. Sokolova O. A. Collection and use of data on the signs of a person's appearance during operational search activities and investigative actions. Moscow: Shield-M; 2011: 203. (In Russ.).

Божченко Александр Петрович,

профессор кафедры судебной медицины и медицинского права
Военно-медицинской академии,
доктор медицинских наук, профессор;
bozhchenko@mail.ru

Bozhchenko Alexandr Petrovich,

professor at the department of forensic medicine and medical law
of the Military Medical Academy,
doctor of medical sciences, professor;
bozhchenko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 21.04.2026.

The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 21.04.2026.

* * *